

Няньэр боится, Няньэр и вправду боится!

Линь Сю крепко обнял плачущего юношу, поцеловал его в мочку уха и тихо уговорил:

— Не плачь, не надо, давай Няньэр сначала поужинает, хорошо? После ужина твой братик Линь Сю преподнесет тебе незабываемый подарок. Считай это искуплением вины от твоего братика Линь Сю, ладно?

Успокоившись, юноша едва сделал два-три глотка еды, как по всему телу разлился жгучий жар. Охваченный тревогой, он растерянно посмотрел на Линь Сю и лишь смутно увидел, как тот вытащил из волос украшение, распустив каскад черных, как смоль, волос, и, склонившись к самому его уху, тихо прошептал:

— Няньэр, жди меня.

В тот же миг это чудесное, словно переносящее на небеса ощущение едва не довело его до безумия. Он подумал, что даже если после этого он уже никогда не сможет проснуться, он всё равно согласен.

Линь Сю, поддерживая ноющую поясницу, опустился в деревянную бадью, доверху наполненную горячей водой. С трудом совладав с собой, он засунул руку в то застенчивое место сзади и понемногу выскреб оттуда то, что излил юноша.

Юноша в это время всё еще погружен был в сладкий сон, даже его брови и уголки глаз, до этого вечно напряженные, разгладились, а во сне он что-то чмокал губами, должно быть, видя прекрасный сон.

Закончив мыться, Линь Сю накинул верхние одежды, неспешно подошел к окну юноши, в последний раз бросил на него взгляд и без малейшего сожаления повернулся и ушел.

— Сяо Ци, пора выступать, карета у ворот, должно быть, ждет уже давно.

Чего Линь Сю не увидел, так это того, что в ту самую секунду, когда он отвернулся, сладко спавший на кровати юноша мгновенно открыл глаза. Его взгляд был ясным и чистым — в нем не осталось и следа прежней затуманенности.

Убедившись, что Линь Сю ушел, юноша приподнялся, протянул руку и, закрыв глаза, с одержимым выражением лица принялся тщательно облизывать каждый палец.

Именно этой рукой он обласкал каждый уголок тела того человека. Когда он снова открыл глаза, в их глубине на мгновение мелькнул алый отсвет.

— Братик Линь Сю...

Глава пятая (3)

С уходом Линь Сю прошло ровно три года.

Пограничные земли были суровыми и холодными. В первый же год руки и ноги Линь Сю покрылись цыпками и язвами, а в худшие дни от боли в ступнях при каждом шаге сердце словно пронзала игла.

Но Линь Сю стерпел.

Он до сих пор отчетливо помнил то ощущение, когда впервые убивал человека на поле боя: тогда в глубине его души еще жило благоговейное трепетное отношение к чужой жизни. В первый раз он сдержал руку и пощадил противника, просто сбив его с ног. Но тут же он увидел, как тот самый вражеский солдат, которого он пощадил, ударом ножа пронзил грудь воина Дася.

Линь Сю показалось, будто этот безвинно погибший воин Дася перед смертью бросил на него полный ненависти взгляд и сказал:

— Ты убил меня.

В тот раз он впервые до конца осознал, что значит: «Проявить милосердие к врагу — значит проявить жестокость к самому себе».

Оглядываясь назад теперь, он уже не мог сосчитать, сколько жизней обагрило его руки. Казалось, с накоплением кровожадности даже его черты лица стали более жесткими и резкими. По словам 741, он становился всё мужественнее, и Линь Сю оставлял это без комментариев.

Когда вражеские захватчики были окончательно изгнаны в их логово, Линь Сю и его войско получили приказ возвращаться в столицу с победой. К тому моменту Линь Сю уже носил звание генерала.

За эти три года он не прерывал связь с имперским двором: тайком связавшись с несколькими скрытыми опорными пунктами, оставшимися от родичей бывшей императрицы, он был в курсе всего, что происходило в столице — включая и то, как Чэнь Юй, первый богач Центрального равнинного Китая, целых три года бегал по пятам за Чи Цюнянем.

Что же касалось Чи Цюняня, то после первых нескольких писем, отправленных ему Линь Сю в самом начале первого года, тот больше не взял в руки перо. Зато сам Чи Цюнянь с упорством слал по три письма каждый месяц.

Однако Линь Сю не прочел ни единого, передавая их своему личному стражнику, а тот просто выбрасывал послания за пределы лагеря, позволяя им кружиться в бушующих вихрях желтого песка.

Все надежды юноши, оставшегося далеко в столице, были похоронены под сухой пограничной землей, и никто не обращал на них внимания.

В день перед возвращением победоносной армии в столицу Линь Сю получил согласие генерала Лю и обручился с его старшей дочерью по возвращении.

Узнав об этом, 741 едва не уронило челюсть от изумления. Поборовшись с собой, оно всё же не выдержало:

— Хозяин, вы что, серьезно собрались жениться? Вы шутите?

— Женится «Линь Сю», а я стану королем этой страны, Фань Сюлинем.

— А кто тогда будет «Линь Сю»?

Линь Сю лишь погладил его по голове, загадочно улыбнувшись, но отвечать не стал.

741 призналось про себя, что понимает своего хозяина всё меньше и меньше.

В тот самый вечер накануне триумфального возвращения домой Линь Сю впервые за три года написал ответное письмо Чи Цюняню. Сначала он объявил о разрыве помолвки, а затем во всех подробностях описал предстоящую свадьбу.

Он три года водил Чи Цюняня за нос, и пришло время оборвать эту нить. Написав письмо, Линь Сю позвал личного стражника, протянул ему послание и велел:

— Распусти слухи, чтобы Чэнь Юй узнал о существовании этого письма. И заодно пусть народ в столице готовится — пришло время для грандиозного представления.

Его стражник Линь Сань согнулся в поклоне и почтительно отозвался:

— Есть!

В столице и впрямь разыгралось грандиозное представление, вот только случилось оно еще до возвращения Линь Сю и остальных.

Младший молодой господин из Резиденции премьер-министра, не слушая ничьих увещаний, примчался в поместье генерала Лю и поджег покои старшей барышни Лю. Если бы не подоспевший вовремя Чэнь Юй, который со всеми рассыпался в извинениях, пожалуй, в тот же день младшего господина задержали бы в поместье генерала Лю, и он не смог бы оттуда выбраться.

Эта выходка заставила всех узнать об одном обстоятельстве: тот самый муж, которого младший господин Чи ждал три года, внезапно прославившийся на границе темный лошадиник, истребивший бесчисленное множество врагов и наводивший ужас на варваров генерал Линь Сю, передумал связывать с ним судьбу.

Однако никто не стал осуждать неверность Линь Сю.

Хотя браки между мужчинами и случались, они не были обычным делом. Поэтому по поводу расторжения помолвки Линь Сю большинство людей лишь сходились во мнении, что генерал одумался и вернулся на путь истинный, и никто не переживал о том, что чувствует младший господин.

После того как младший господин устроил погром в генеральском поместье, его посадили под домашний арест. Проголодав три труда, на четвертый день он подчистую уплел еду, которую рано утром принес Чэнь Юй. Не заботясь о том, выдержит ли пустой желудок такое обильное и быстрое поглощение пищи, он представлял на месте этих паровых булочек старшую барышню Лю и вгрызался в них с такой свирепостью, что сидевший рядом Чэнь Юй не знал, радоваться ему или плакать, и лицо его застыло в растерянной гримасе.

Поев, младший господин схватился за живот и, бледный как полотно, твердо произнес:

— Я отправлюсь к нему!

Было очевидно, кого именно он имеет в виду.

Чэнь Юй молчал, а затем долго вздыхал:

— И как мне тебе помочь?

Когда Чи Цюнянь появился в комнате Линь Сю, тот только-только закончил мыться и сидел перед жаровней, греясь у огня и вытирая волосы. Это был первый город, куда они прибыли после возвращения армии с победой. Линь Сю, как генерал, имел счастье получить в свое распоряжение отдельный дворик местного чиновника, где смог впервые за месяц принять горячую ванну.

Закончив мыться, Линь Сю блаженно мычал от удовольствия; устроившись у жаровни, он весело покачивал верхней частью туловища и напевал себе под нос какую-то безымянную песню, от которой успел позабыть почти весь мотив. Не успел он опомниться, как полотенце для волос выхватили у него из рук. Кто-то принялся бережно вытирать и сушить его влажные пряди. Линь Сю подумал, что это услужливая служанка из особняка, а потому не стал сопротивляться, спокойно закрыл глаза, откинулся на спинку стула и вскоре заснул. Когда волосы полностью высохли, юноша — нет, пожалуй, уже молодой мужчина — поднял прядь волос Линь Сю. От них всё еще исходил свежий аромат мыльного дерева. Он принялся, словно ему было мало, затем наклонился и зажал спящему точки сна. Кончиком носа он коснулся бледно-розовых тонких губ лежащего под ним человека и лишь спустя долгое время отстранился.

Уложив его на кровать, молодой человек уставился на мужественное лицо Линь Сю и легко прижался губами к его сухим губам. Лишь когда губы того стали розоватыми и соблазнительными, а из его груди послышалось ровное дыхание глубокого сна, он с неохотой потушил масляную лампу на столике и, обняв мужчину, спокойно заснул.

Проснувшись на следующий день, Линь Сю первым делом увидел пару покрасневших и опухших от слез больших глаз.

Прошло три года, но этот мягкий и чистый в его воспоминаниях юноша, казалось, ничуть не изменился — если не считать ставшего более красивым и утонченным лица, его привычка часто плакать осталась прежней.

Однако больше всего Линь Сю сейчас волновало другое:

— Ты почему здесь?

При этих словах он попытался разжать обхватившие его руки молодого человека, чтобы встать, и со вздохом произвел:

— Нянь-эр, тебе не следовало приходить.

Эта фраза словно открыла шлюзы для хлынувшего потока воды: молодой человек наплевал на всё, крепко обнял Линь Сю и, уткнувшись ему в плечо, зарыдал так, что сердце разрывалось от боли.

Стоявшая за дверью служанка встревожилась от этого плача и принялась настойчиво стучать.

— Генерал Линь, что-то случилось?

Линь Сю потер переносицу. Передумав вставать, он так и остался лежать на постели, позволяя юноше обнимать себя, и устало бросил:

— Ничего, ничего. Отошлите всех из двора, без моего приказа никому не входить!

Линь Сю казалось, что горячие слезы, капавшие в ямку его плеча, даже способны обжечь кожу.

Лишь когда молодой человек постепенно успокоился, он вырубил его одним ударом ребра ладони и стал палец за пальцем разгибать цепко вцепившиеся в него руки.

Одевшись и умывшись, он велел войти служанкам.

— Помогите этому молодому господину одеться и умыться. Действуйте осторожнее.

Отдав распоряжение служанкам, он позвал Ли Эра:

— Отправляйся в лучший постоялый двор в городе, отыщи там Чэнь Юя и передай ему молодого господина. С сегодняшнего дня ужесточите охрану по ночам, без моего приказа никого не подпускать близко к моим покоям.

— Есть!

И впрямь, нить, которую тянули три года, разве обрывается вот так просто?

Глава четвёртая: Внегласная история Шу Цзю

Огонь. Огонь полыхал по всему небу. Шу Цзю кое-как поднялся на ноги и увидел людей, беспомощно борющихся в бушующем пламени; увидел бесчувственных и равнодушных грешников, которых конвоировали посланники подземного мира; увидел виновника всего этого земного ада, что возлежал на ветвях дерева, потягивал вино и с усмешкой наблюдал за происходящим — своего учителя Сун Хуайлиня. В тот миг сердце Шу Цзю переполнилось безграничной ненавистью. Ему хотелось взлететь на дерево и искромсать обидчика на тысячу кусочков, но он, как ни старался, не мог сделать и шагу. Затем он обернулся — и увидел лежавшее на земле собственное тело.

Ах да, он ведь уже мертв, — смутно осознал Шу Цзю.

Тогда почему... В глазах Шу Цзю застыло полное растерянности недоумение.

Почему эти посланники подземного мира не видят меня?

Еще один призрачный страж проплыл сквозь тело Шу Цзю, и на мгновение в его голове вспыхнула слабая надежда: неужели он на самом деле еще не умер?

Едва зародившись, эта мысль неудержимо затрепетала в груди Шу Цзю.

Вернуться! Нужно вернуться в свое тело!

Однако всякий раз, стоило ему приблизиться к брэнной оболочке, путь преграждала невидимая, но прочная стена. Шу Цзю не мог ни пробить ее, ни преодолеть.

Но то, что было не под силу ему, оказалось по плечу другому.

Покачивая фляжкой с вином и улыбаясь, Сун Хуайлинь шаг за шагом приближался к преграде. Шаг за шагом он проходил сквозь нее, шаг за шагом ступал в запретную зону, куда Шу Цзю был заказан путь.

Шу Цзю едва сдерживал переполнявшую его ярость. Он исступленно ревел, колотил по невидимой стене, но все его усилия были напрасны.

Он видел, как Сун Хуайлинь склонился над его телом, и слышал его голос, который, проходя сквозь мертвого, отчетливо долетал до его ушей:

— Сяо Цзю такой красивый, зачем же нужно было позволять кому-то еще любоваться им?

Затем послышался звук вонзающегося в кожу клинка, разрывающего плоть и жилы.

Ощувив жгучую боль на лице, Шу Цзю дрожащей рукой коснулся щеки и, отняв пальцы, увидел лишь багровые пятна.

Кровь капала на землю сквозь его сжатые пальцы, падая с глухим стуком, но не оставляя после себя и следа.

Когда Сун Хуайлинь закончил и отбросил окровавленный кинжал в сторону, Шу Цзю резко отпрянул назад — лишь чудом клинок, отливающий красно-белым отблеском крови, не пронзил его душу.

Едва успев выровнять дыхание, он снова услышал безумную речь этого человека:

— В таком виде тебя уже никто не полюбит, правда? Ха! Сяо Цзю, у тебя ведь такое очаровательное лицо, так почему ты вздумал обручиться с этой девчонкой? Чем она вообще тебя заслужила, хотя бы наполовину?! Почему ты не замечал меня? Ведь я так сильно тебя люблю, ха-ха! Ха-ха-ха! Я ведь так люблю это твое лицо!

Но теперь всё кончено. Видишь? Все, кто заставлял тебя жениться, мертвы, и даже ты сейчас умрешь. Больше никто и никогда не сможет тебя отнять, правда же? Мой Сяо Цзю? Не бойся, я скоро найду тебя. Разве могу я оставить тебя одного на дороге Желтых Источников?

Вновь раздался звук рассекаемой острым лезвием плоти. Шу Цзю поднял голову и с ужасом увидел, что этот безумец держит в руке длинный меч, насквозь пронзивший его собственную грудь.

Безумец!

Конченный, абсолютный безумец!

И всё из-за этого лица! Ха-ха! Из-за этого лица он вырезал весь мой род! И подумать только, в будничные дни я с таким почтением называл тебя учителем. Ха-ха!

Раз так, то и это лицо мне больше ни к чему!

С тех пор Шу Цзю не снимал маску целое столетие.

Он почти забыл собственный облик и был уверен, что уже никогда и никому не покажет своего истинного лица — пока не появился Линь Сю.

Но почему, почему же...

Шу Цзю приставил кончик ногтя к шее Сун Хуайлиня, а его глаза, подобные крови, излучали холод, способный заморозить тысячелетний лед:

— Где он?

— Он-то? — Сун Хуайлинь подался вперед, ближе к Шу Цзю, позволяя острой ногтевой пластине пронзить его горло, и протянул с издевкой: — А он уже исчез.

Едва смолкли эти слова, как он обратился в легкую дымку и рассеялся в небытие. Самовольное использование запретного заклинания ради отправки безгрешной души в иной мир и без того истощило все его силы, так что Шу Цзю не составило труда уничтожить его дух.

Но разве это имело значение? До самой смерти он оставался самым незабываемым человеком в сердце Сяо Цзю. Перед тем как его душа распалась на части, Сун Хуайлинь искренне улыбнулся.

— Исчез? — Шу Цзю коснулся слезы Жэнь-юй на мочке уха, и краснота в его глазах едва не хлынула через край.

Затем он сорвал эту капельку, прижал к межбровью и, слегка надавив, вогнал её прямо в плоть. В тот самый миг, когда Шу Цзю разжал пальцы, она превратилась в ледяно-синий огненный цветок, который безмолвно и страстно распустился у него на лбу.

— Я найду тебя, братец, — слегка склонив голову и глядя на зарождающуюся на востоке зарю, с очаровательной улыбкой проговорил Шу Цзю.

— И ту кошку, что увела тебя.

Находящийся далеко в ином мире 741 вдруг судорожно вздрогнул, ощутив спиной чей-то чужой взгляд. Эта наполненная доверху злобой, едва ли не осязаемая ненависть заставила 741-го инстинктивно забиться еще глубже в объятия Линь Сю.

— Что случилось, Сяо Ци? — участливо спросил Линь Сю.

Спрятав голову в собственные лапки, 741 глухим, приглушенным голосом ответил:

— Ничего страшного, наверное, мне просто показалось.

Наверняка всего лишь померещилось.

После того как воины, сопровождавшие Чи Цюняня, вернулись на постоянный двор, Чэнь Юй сбросил с лица маску глубокой привязанности и уселся за столик в пяти шагах от кровати, принявшись в одиночку разливать вино по чашкам.

— До каких пор ты собираешься притворяться? Люди уже ушли!

Вжик —

Шахматная фигурка со свистом рассекла воздух и полетела в Чэнь Юя, чиркнув по волосам у самого уха и вонзившись в стену позади него.

Следом раздался негромкий голос юноши:

— Заткнись!

Чэнь Юй опустил чашку, похлопал себя по груди и мысленно покачал головой, радуясь, что в свое время не влюбился по-настоящему в это человекоподобное орудие убийства.

Когда-то он действительно воспылал чувствами к Чи Цюняню. В первую их встречу, когда юный господин посмотрел на него своими влажными, распахнутыми от детской наивности глазами, сердце Чэнь Юя растаяло, и ему хотелось сложить к ногам парня все сокровища мира.

Какая жалость.

Чэнь Юй бросил косой взгляд на застрявшую в стене на добрые три пальца шахматную фигурку и мысленно похвалил себя за то, что вовремя выпрыгнул из тигриного логова.

Если вспомнить, Линь Сю тогда покинул столицу совсем недавно, и Чэнь Юй еще не был богатейшим человеком Центрального равнинного края.

Однажды, получив очередной отказ у ворот резиденции премьер-министра, куда он приходился просить о встрече с юным господином, Чэнь Юй уже собирался уходить, как вдруг ему передали записку от самого Чи Цюняня с приглашением встретиться на следующий день в беседе посреди озера. Тогда глупец искренне поверил, что его старания наконец принесли плоды. На следующий же день он нарядился в новое платье, присланное из шелковой лавки, и явился к назначенному месту чуть ли не раньше всех.

Однако он все равно опоздал: когда Чэнь Юй примчался к беседке, юный господин уже был там. Запыхавшийся молодой человек поспешил вперед и, еще не успев заговорить, встретился с лучезарной улыбкой юноши.

Усевшись за столик, юный господин опустил кубок с вином, устремил взгляд на гладь озера и неторопливо произнес:

— У меня есть способ сделать тебя богатейшим человеком Центрального равнинного края.

— Но взамен ты должен служить мне. Конечно, господин Чэнь может отказаться, но поверь: если ты ответишь отказом, твоим пределом навсегда останется участь заурядного столичного богатея.

Пожалуй, в самый первый момент он колебался — ведь впечатление от их первой встречи было слишком сильным, и ему так хотелось вновь увидеть во взгляде юноши безоговорочную зависимость и наивное доверие.

Но в конце концов он не выдержал.

Быть может, его собственная симпатия оказалась слишком поверхностной, а любовь юноши — слишком глубокой. Этот взгляд, равнодушный ко всему на свете, кроме Линь Сю, в конце концов заставил его отступить.

Позже всё вышло именно так, как и предсказывал юный господин: он действительно стал первейшим толстосумом Поднебесной. А благодаря поддержке юного господина при дворе теперь даже чиновники из управлений выказывали ему немалое уважение.

Вот только он навсегда утратил шанс завоевать сердце Чи Цюняня.

Во время одной из совместных прогулок Чэнь Юй как-то спросил юного господина:

— Почему именно он?

Тогда с неба как раз моросил легкий дождь. Услышав этот вопрос, юный господин остановился, поднял зонт и молча устремил взор на север — туда, где на полях сражений находился Линь Сю.

И когда Чже Юй уже решил, что ответа не дождется, юный господин вдруг заговорил. Его низкий, едва уловимый голос казался призрачным, но Чэнь Юй расслышал каждое слово:

— Потому что он — это Линь Сю.

Все эти три года юный господин сохранял неизменную невозмутимость. Он хладнокровно ждал писем, которым не суждено было прийти, хладнокровно выстраивал интриги в столичных кварталах, хладнокровно сидел в внутреннем дворике Линь Сю, погружившись в беспамятство над его записями.

Единственный раз он потерял самообладание, пожалуй, только тогда, когда получил весточку от Линь Сю.

Узнав о существовании того письма, Чэнь Юй поначалу даже обрадовался. Но стоило ему заглянуть в его содержание, как в груди нестерпимо защемило сердце: он наконец-то смутно понял, отчего юный господин, связанный с Линь Сю узами помолвки, вечно ходил с помраченным лицом.

Именно поэтому Чэнь Юй в душе был благодарен юному господину за тот страшный пожар, что он устроил в усадьбе генерала Лю. По крайней мере, тогда он впервые воочию увидел потерявшего контроль над собой юного господина — и это заставило его поверить, что тот всё же человек из плоти и крови, живущий в реальном мире.

Когда в комнате воцарилась тишина, Чэнь Юй не спешил уходить. Как-никак, он слыл человеком страстным и влюбленным, а раз уж его возлюбленного доставили в таком виде, приличествует выразить хотя бы видимость скорби.

Покрутив в пальцах винный бокал и прикинув время — должно было пройти около четверти часа, — Чэнь Юй напустил на лицо скорбное выражение, изобразил величайшую тоску и, покачивая головой, неторопливо вышел наружу.

Как только Чэнь Юй скрылся за дверью, лежавший на кровати Чи Цюнянь приоткрыл глаза. Судорожно вцепившись пальцами в простыню, он снова и снова шептал про себя: «Потерпи еще немного, уже совсем скоро, совсем скоро».

— Мы почти на месте, господин генерал! Только посмотрите!

Один из воинов указал на земляной холм впереди, и на его лице сияла радость близкого

возвращения домой.

— Минуем этот холм, и мы на месте. Говорят, на этот раз мы одержали полную победу над варварами, и Его Величество, преисполненный радости, намерен устроить грандиозный пир для всех чиновников. Вы, генерал, совершили бесчисленные подвиги, так что император наверняка отметит вас своим милостивым вниманием. Мы с парнями заранее поздравляем вас! Стоит нам добраться до столицы, как желающие преподнести вам лестные дары выстроятся в очередь на целый квартал — нам-то с нашими грубыми манерами в этот ряд точно не пробиться.

— Верно-верно! Больше всего на свете мы не выносим этих столичных кабинетных крыс. Ничего-то они не умеют, зато подстраиваться под ветер — мастера лучше всех, куда там траве на ветру! — подхватил другой воин, не скрывая презрения к гражданским чиновникам.

<http://bllate.org/book/21667/2235530>